

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И РЫНКА В РОССИИ. ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.19

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б.З. Интервью с И. Е. Штейнбергом: «Уже было так скучно, что стало не так страшно» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 233—246.

For citation:

Doktorov B. Z. Interview with I. Steinberg: “It had been so boring, that it became not so frightening” // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. 2016. № 1. P. 233—246.

Б.З. Докторов ИНТЕРВЬЮ С И. Е. ШТЕЙНБЕРГОМ: «УЖЕ БЫЛО ТАК СКУЧНО, ЧТО СТАЛО НЕ ТАК СТРАШНО»

Илья, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти — для меня, заиграли истории имен моих собеседников, сразу открывают очень интересные личностные и историко-культурные миры... Что Вы знаете о происхождении своей фамилии — Штейнберг? И насколько Вы знакомы с прошлым родительской семьи?

Происхождение фамилии своей точно не знаю, но есть версия, что она связана с местом в 120 км от Берлина, которое так и называется. Возможно, мои предки пришли оттуда, т.к. будучи в Германии, мне неоднократно намекали, что моя физиономия схожа с типом лиц из тех земель, я, правда, так не считаю.

Но это вполне вероятно, т.к. свои фамилии иудеи часто получали по месту жительства, занятию и т.п., а также могли купить. Кто побогаче, тот мог стать Зильберштейном или даже Голдштейном или Голдбергом. Видно, мои предки были нищелюбы или не были озабочены темой бренда. Вот так вместо «серебра и золота» — просто камень. Более подробно мне сказать нечего.

Репрессии 1930-х унесли деда, даже фото его нет. Знаю, что жили они в местечке под Житомиром.

По материнской линии — фамилия Шапиро. Это были известные литваки из Вильнюса, даже дом знаю, где они жили в двух кварталах от вокзала.

Практически их всех фашисты убили там в начале войны. Дед был кадровым офицером и погиб в первые дни войны под Брестом. Брат матери, командир противотанкового орудия, погиб в 1943-м при отражении танковой атаки под Могилевом.

Конечно, сохранились фото, рассказы матери, были попытки создать «историю семьи», но увы, семейный архив в годы войны был утрачен во время эвакуации в Саратов. Там жил брат бабушки профессор СГУ Павел Абрамович Вундер. Ему удалось поселить свою сестру с дочерью в общежитии для научных сотрудников университета. На тот момент там проживала профессура эвакуированная из блокадного Ленинграда, а поскольку война отняла у них детей и внуков, то они часто зазывали меня к себе, кормили, разговаривали со мною, учили языкам и еще чему-то, не помню, к сожалению. Это были мои первые учителя, т.к. отец с мамой были заняты с утра до ночи на оборонном предприятии.

Кстати, один из них, проф. Шехтер, зав. кафедрой теоретической физики, мне в пять лет предрек, что я буду заниматься методами. Он любил детям задавать «вопросы на изумление». Например, ты видишь, что земля плоская, а она круглая... и т.п. По рассказу мамы, он как-то натолкнулся на нее в коридоре общежития и напугал, сказав: «Странный у Вас мальчик, первый раз такое встречаю, чтобы ребенок, впервые услышав, что Земля круглая, а не плоская, особо не удивился и спросил — а как узнали?» Наверно, методами будет заниматься».

В плане рефлексии, когда думаю на тему, почему занимаюсь, тем, чем занимаюсь, всегда возвращаюсь к этому эпизоду. Вероятно, в профессиональном плане я продукт ленинградской профессуры. Я их уже смутно помню, мне было 6 лет, когда мы уехали из общежития, но родители говорили, что я повторяю их фразы и подражаю манере речи, задаю «не свои вопросы».

Саратов в военное и послевоенное время играл важную роль в жизни страны... какие у вас сохранились воспоминания о школьных годах? Как шла учеба? Что особенно интересовало?

О начальной школе воспоминания смутные. Учеба шла без проблем, особенно был успешен в гуманитарных дисциплинах. Но мама хотела, чтобы я учился «в хорошей школе с хорошими детьми» и толкала меня в физико-математическую школу № 13, известную уникальным подбором преподавателей, особой творческой атмосферой, талантливыми учениками и успехами выпускников. Ее желание окрепло, когда я стал заниматься спортом, записался в секцию бокса, чтобы бить тех, кому не нравилась моя фамилия. Помню, как ощупывая мое побитое на тренировках лицо и слушая восторженные восклицания по поводу растущей компетентности, о моих кумирах в боксе, она заметила: «Я была бы рада, если бы ты был поближе не к тем, кто сильнее тебя, а к тем, кто умнее».

Вот так, с восьмого класса, я попал в среду, где больше половины моих товарищей по учебе были явно умнее меня в математике, физике и химии. Хотя я легко прошел вступительное собеседование и тест на IQ, но там мне стало очевидно, что Лобачевского и Ландау из меня не выйдет.

Помню, как скрипя и дымясь, своими, как выяснилось, «гуманитарными мозгами», решил задачку из учебника, по которому учатся на втором курсе мехмата (такая была там программа в 10-м классе) и был неизъяснимо горд собой, получил горькую отповедь от знаменитой Веры Петровны: «Штейнберг, посмотри, как

некрасиво твое решение, как ты долго возился для того, чтобы вот это вот мне показать! Посмотри, как можно это сделать и сделали Вася, Коля и проч. Иди, работай дальше». Такое она говорила мне не раз; и много других слов, после которых не было чувства зависти или злости, а какая-то странная радость и восхищение тем, что кто-то на такое способен и он рядом с тобой. Укреплял я свою самооценку тем, что выигрывал призовые места на городских олимпиадах по биологии и истории, а также отстаивал честь школы на соревнованиях по стрельбе, чем хоть как-то себя реабилитировал в глазах одноклассников.

Учителем по биологии был опальный ученый, «генетик-морганист», изгнанный из университета и не вернувшийся в него, Рамзаев Федор Сергеевич. Ему я многим обязан в плане «автономности мышления» и интересом к биологии и медицине. Впрочем, как и всем учителям этой удивительной школы, они были незаурядные личности и приучили меня к дисциплине мысли, логике математического аппарата, склонности к критико-аналитическому мышлению, «отсутствию страха перед формулами и техникой», а также наивной вере, что «большинство проблем можно продавить мощью интеллекта». Мне кажется, они сформировали привычку стремиться быть поближе к людям, которые умнее меня, искренне радоваться этой возможности и стараться чем-то заслужить их уважение.

Похоже, к окончанию школы Вы испытывали проблемы с выбором направления дальнейшего обучения: успехи в биологии и истории, навыки критико-аналитического мышления... какое Вы решение приняли и почему?

Это так. Я учился в физическом классе (всего выпускных классов было 10; 4 — физических, 5 — математических и один химический). Выбор был predetermined, «физики» шли поступать в университеты или политехи, математики — на мехмат, химики — на хим. фак и в медицинские институты. Любой другой выбор считался «образовательным браком». Больше половины моего класса без проблем поступили в МГУ, Бауманку и т. п. Такому «бракованному» маргиналу как я, единственным приемлемым выбором оставался мединститут, где были биология и химия. Тем более, дед был военврачом, я назван в его честь и считал правильным продолжить его дело.

Вероятно, так оно бы и было, если бы не мой странный интерес не к самим научным открытиям, а к их открывателям, их способу мышления, позволяющему найти способы увидеть и понять то, что другие не могут даже представить. Я перечитывал книги с описанием биографий первооткрывателей, причем, только те места, где им в голову пришла эта идея, силясь понять, как это возможно. Помню, как удивил класс и учителя, детальным анализом того, каким образом Копернику пришла в голову мысль об гелиоцентричной картине мира, как он это доказал.

А тут открывается новое отделение психологии при биофаке университета. Вступительными экзаменами были математика, биология и история. Все сошлось. Конкурс был, как в театральный институт, а на устном экзамене по математике «завалить» можно было кого угодно. Меня отпустили с миром и пятёркой, помучив полчаса, после того, как выяснили, где я учился и у кого (может быть сказало то, что один из экзаменаторов оказался выпускником «тринашки»).

В 1973 г. в СГУ, как я сейчас понимаю, реальных ресурсов для открытия отделения было недостаточно: ни научной школы, ни кадров, ни традиций, ни практики.

Помог случай, моим руководителем курсовой стал Н. В. Крогиус, представитель ленинградской школы психологии, международный гроссмейстер, тренировавший Спасского в матче с Фишером, впоследствии Председатель шахматной ассоциации СССР. Я помогал ему в труде над докторской, выполняя несложную техническую работу по теме «конфликты в шахматах». Он отчего-то считал, что психологии больше всего в рекламе. Этому невозможно было поверить, т. к. советская реклама «Летайте самолетами Аэрофлота» и «храните деньги в сберкассе» к психологии, на мой взгляд, не имела отношения. Но он был «выездным», видел другую рекламу и привозил из-за бугра их журналы (Лайф и др.), в них я пытался переводить слоганы и тексты, изучал композиции. Николай Владимирович помогал с литературой по психологии рекламы и даже устроил мне «рекламную практику» по расчету величины шрифта и его расположения, цвета и проч. на билборде Дворца спорта, оповещающем о хоккейном турнире. Суть задачи в том, чтобы текст можно было легко прочесть пассажирам проезжающего мимо Дворца трамвая. Апофеозом моей рекламной практики стало 2-е место на всесоюзном конкурсе студенческих работ и премия в размере стипендии.

Его я считаю своим учителем в психологии, т. к. при всей его занятости он много времени мне уделял, приглашал домой, пытался научить теории шахмат, постоянно давал задачки по психологии рекламы. Как-то провел меня в спецхран, где я перечитал все имеющиеся там работы Фрейда, о котором мы знали только из «марксистско-ленинской критики». Не оставил меня Николай Владимирович и после окончания университета, мы общались до его отъезда в Москву.

По какому разделу (какой кафедре) психологии Вы выпускались, делали дипломное исследование? В каком году Вы закончили университет и что было дальше?

Моя дорога в социологию началась на Троллейбусном заводе им. Урицкого в г. Энгельсе, куда я попал по распределению после окончания университета в 1978 г. по специальности «Психолог. Преподаватель психологии». С этим единственным в стране производством троллейбусов была связана моя дипломная работа по эргономике рабочего места водителя троллейбуса.

Т.к. занятия психологией рекламы дали мне кое-какие практические познания в психологии восприятия, я оказался полезен разработчикам новой модели троллейбуса по организации пульта управления в кабине водителя (расположение приборов, размер и цвет надписей и проч.) Разработку делал НИИ с участием специалистов предприятия. Я потратил много времени и сил, вникая в документацию и даже поставил пару смешных экспериментов по восприятию сигналов с пульта для водителя и расположению кнопок управления. Мои «предложения», одобренные заводским ОКБ, были включены в документ от завода, что было особо учтено при защите диплома.

Это показывает, что я получил высшее образование в области психологии, но не получил конкретной профессии в смысле специализации, которой у нас и не было. Я оказался на выходе «специалистом широкого профиля». На заводе был зачислен поначалу в отдел НОТ инженером-психологом. Должностные обязанности такого специалиста были загадкой для всех и прежде всего для меня самого. Поэтому мне вручили типовые должностные обязанности по Автопрому

и его предприятиям, где были заводские психологи (ВАЗ, ГАЗ, ЛИАЗ, ЛАЗ, РАФ) и поручили составить и возложить их на себя. Я составил и возложил, оставалось только выполнять и соответствовать.

Первым «выходом из-за печки» заводского психолога в моем лице было радикальное решение проблемы текучести кадров на участке револьверных станков, где работали исключительно женщины и их состав менялся за три месяца почти полностью. После моих «рекомендаций» текучесть снизилась в пять раз.

Дело было так. В «обязанности» входила борьба с текучестью кадров. Меня привели «побороться» за этот участок, и руководство цеха уставилось на меня в ожидании чуда. Я был в панике и полной растерянности. Только этим я могу объяснить уверенную наглость моего заявления, что все дело в огромном на всю стену плакате, призывающем к победе в соцсоревновании. Кроваво-красный цвет, вещал я тоном оракула, вызывает раздражительность, утомление и стресс у работниц, провоцирует брак в работе и прочее. Надо убрать плакат, оставить чисто побеленную стену, по НОТу организовать пространство участка и что-то еще, не помню. Это было выполнено, дополнительно выкрасили станки и текучесть прекратилась. Думается, что здесь сработала элементарная забота о людях, которая была там в дефиците. Участок убрали, станки почистили и подремонтировали, выдали новую спецовку, постоянно бегало начальство, спрашивая женщин, как себя чувствуете без плакатного «призыва к трудовому подвигу», даже норму подкорректировали с учетом женского труда. Знал ли я тогда о Хотторнских экспериментах с человеческим фактором, не помню, но вывод для себя сделал тогда очень похожий.

Следующее «психологическое чудо» было связано с расчетом биоритмов. По обмену опытом меня направили на ВАЗ, где я познакомился с этим концептом, высчитывающим «черные дни» работника, когда зловещим образом совпадали низкие волны физических, интеллектуальных и эмоциональных биоритмов человека. В году таких «дней» было по одному на месяц, кажется.

Я рассчитал эти биоритмы для транспортного цеха завода и число аварий сократилось на 70%. Т.к. каждый водитель получил страшное предупреждение в виде распечатки волн биоритмов, где красным крестом были указаны совпадения двух волн, а черным — всех трех, то он был осторожен в пути, не злоупотреблял спиртным накануне рейса, а в «черный день» его снимали с рейса и ставили на ремонт.

Но окончательная вера в силу «заводской психологии» и моей персональной магии наступила после того, как в «черный день» директор предприятия свалился с температурой под сорок, а главный инженер сломал ногу.

Этими активностями я сам себя загнал в угол. От меня ждали только демонстрации магии и волшебства, которые у меня закончились. Что-то надо было делать. Первое что я предпринял: под флагом глубокого изучения производства методом включенного наблюдения, о котором я имел смутные представления, отправился на рабочие места в цеха, освоил профессию токаря, электромонтажника, сборщика передних мостов и прессовщика. Подлинная причина моего профессионального порыва — взять тайм-аут и банально заработать для прокорма семьи, т.к. мне сохранялся оклад и премии, а в цеху была сдельщина, где я мог за месяц получить еще полтора своих ИТРовских оклада, а руками я работать умел и любил.

Потом, по ходу моего «включенного наблюдения», меня двинули в мастера прессово-сварочного участка, где трудились «химики» (осужденные за «мелкие» преступления). С помощью двух «зеков», один из которых был начальником прииска по добычи драгметаллов, а другой — начальником производства химического комбината в Узбекистане, я наладил отношения с бригадами, добился сносной дисциплины и производительности труда. Это были мои первые и лучшие учителя по управлению трудовыми коллективами, пониманию основ менеджмента промышленного производства и психологии труда, т. к. в вузе этому меня не учили.

По выходу из этой «экспедиции» случилась неприятность: мой отчет о социально-психологическом климате в коллективе цеха и предложения по повышению производительности труда и организации производства не нашли понимания. То, что я предлагал, кажется, вступало в противоречие с принципами соцпроизводства, практикой планирования, традицией штурмовщины и приписок в конце месяца, кумовством и многим таким, о чем я даже не подозревал. Меня срочно изъяли из производства методом повышения — назначили заместителем начальника отдела кадров завода, на котором в тот момент работали 4 тысячи человек.

Примерно через полгода я был отправлен повышать квалификацию на Южмаш в г. Днепропетровск; это было одно из крупнейших в СССР оборонных предприятий, в качестве «ширпотреба» они делали трактора ЮМЗ. Там я стажировался в отделе, занимавшемся социально-экономическим планированием, психологией труда и тем, что сегодня входит в обязанности службы по работе с персоналом предприятия.

Оттуда я вывез прототип «телефона доверия» и немедля внедрил его на заводе под названием служба «Ваше настроение». Вся служба состояла из трех человек: оператора на телефоне и двух сотрудников, обрабатывавших жалобы и предложения, направлявших их в соответствующие структуры, отделы, добивавшихся решения вопросов, встречавшихся с клиентами службы, т. к. звонки не были анонимными.

Результат превзошел ожидания. Через три месяца из горкома и обкома прибыла комиссия разбираться «с зажимом критики и разгулом произвола» на заводе. Сигналом им послужило сокращение жалоб трудящихся в эти органы в два раза, т. к. мы замкнули на себя их большую часть. После их знакомства со «службой» было решено этот передовой опыт тиражировать. Издали «листок» о внедрении и изобретательстве (забыл, как он назывался) и стали распространять на другие предприятия города, области и далее. Приезжали делегации даже из Казахстана.

Меня хотели уже двигать в первые секретари заводского комитета комсомола, но помешал пятый пункт, черед смены вождей и мое желание строить не партийную карьеру, а научную. В 1980 г. в Саратове открывают ИСЭП АПК АН СССР, я подаю документы на конкурс, но «обком не утвердил» мою кандидатуру, лучшую на тот момент, по утверждению зав. отдела, А. Петрушевой и его директора (когда я уже стал сотрудником этого Института в 1986 г., его директор В. Б. Островский в частной беседе рассказал, как и почему «меня не брали»).

В 1983 г. вышло Постановление об организации совета по изучению общественного мнения при ГК КПСС. Вероятно, за неимением лучшего (мои затеи были известны высокому начальству, особенно, история с «телефоном доверия»)

меня назначили ответственным секретарем этого «совета», который должен был отвечать за его работу.

Это было необычное, короткое и смутное время «второй оттепели», передо мной ставили задачи по изучению отношений, оценок и суждений трудящихся предприятий города по различным экономическим и социальным вопросам. На меня работала армия из 1200 анкетеров — из числа коммунистов-активистов предприятий и организаций города. С этой командой проводились регулярные занятия типа «курса молодого бойца» по проведению массовых опросов. Особенный упор делался на «достоверности» данных, под которой подразумевалось, что «туфту» опрошенные писать не должны.

Темы для исследования общественного мнения регулярно поступали вместе с Постановлениями партии и правительства. Я приступил к обязанностям в период подготовки Пленума горкома по выполнению Постановления «о борьбе с формализмом во внедрении бригадной формы организации труда на промышленном предприятии».

Мне поставили задачу «выявить формализм и доложить на пленуме». Я взялся за дело, не понимая, где кончается наука и начинается политика. Нашел «экспертов по внедрению», с их помощью определил основные признаки бригадной организации труда (КТУ, оплата по конечному результату и т.д. и т.п.), составил по ним вопросник, а поскольку опрос на предприятиях проводили «свои», заряженные на выявление «формализма» (было короткое время, когда из-под горы лжи, практики приписок, вдруг стало выглядывать что-то настоящее, хотелось уцепиться, не дать утонуть опять), то ответы вполне соответствовали реальности.

То, что случилось на Пленуме во время моего доклада, до сих пор является одним из самых ярких впечатлений моей профессиональной жизни, тогда я на своей шкуре понял, что есть социальное. Выхожу на трибуну, кратко описываю цели и задачи исследования, благодарю за оказанную помощь парткомы заводов и фабрик и перехожу к сути дела. Так как о форматах презентации социологической информации я не имел представления, то начал без затей. «Объединение Химволокно, показывает в отчетах, что 70,4 % трудового коллектива охвачены бригадной формой. Наше исследование показало, что 3 % (1—2 бригады), завод «Трансмаш» показал 80,3, на деле — 5 % и так по всем предприятиям». Повисла тишина. Все напряженно смотрят на «первого». До него начинает доходить, что речь идет не о борьбе с «формализмом», а о саботаже на вверенной ему территории. Не помню, что он конкретно произнес, то ли вопрос, то ли «не понял», но после его слов зал (около 500 советских командиров производства и секретарей заводских парторганизаций, в компетенцию которых входило умение громко возмущаться, выражать справедливый гнев и негодование) взорвался. «Это деза, клевета, ложь», — орали они. «Откуда взялись эти цифры». «Да кто он такой!»

«Первый» объявляет перерыв, предваряя ритуальной фразой, что будем в этом разбираться и делать оргвыводы. «И Вас это касается», — сказал он, глядя, в мою сторону. Я понял, что произошло непоправимое. Это чувство укрепилось, когда я шел по набитому людьми залу, как по пустому коридору. Те, кого я знал, отворачивались. В прострации я добрал до кабинета начальника и спросил, что же это было, что я сделал не так. Тот ответил, что все нормально, так надо и еще не ве-

чер. Но я понял, что здесь мне больше не работать. Через день меня вызывали в Обком, где в течение часа выдерживали в приемной, чтобы «осознал и проникся». Наконец пригласили зайти. А дальше произошло удивительное. В кабинете было пять человек. Один из них подошёл ко мне, похлопал по плечу, сказал, что я молодец, что наш метод будут использовать, что это действительно по-партийному и пр. Как оказалось, это были проверяющие из ЦК, и наш пример попал «в струю». После этого аппарат Горкома наградили премией, но не меня, конечно. Наградой мне было решение о том, что я продолжу «выявление общественного мнения», но то, что я делал, с этого момента находилось под контролем, отчеты внимательно изучались.

Илья, спасибо, блестящий кейс; в нем и социальное, и научное, и человеческие отношения. Какие Вы из этого случая извлекли уроки? Что было дальше в Вашей карьере? Ведь наступило время перестройки...

В том же духе продолжал «выявлять мнение» по вопросам «атеизма», производственной дисциплины «чувства хозяина» (без хозяйства) и др. Темы исправно поставлялись ЦК в виде Постановлений, «писем» и прочих «цидуль». Не помню, чтобы мне пришлось самому проявлять инициативу. Я был завален «социальными заказами» и работал как «фабрика опросов» в миниатюре (как говорено выше, до полусотни предприятий и организаций в выборке, более 1000 «обученных» анкетеров и до двух десятков помощников для обработки данных). Потом возникла затея предать гласности результаты опросов в городской газете «Коммунист». Я переделывал отчет для газеты, редакторы и цензоры его рихтовали. Получалось не совсем то, что я хотел, но в целом цифирь не искажалась, и некоторые выводы, основанные на здравом смысле и исследовательской логике, которой любая идеология не указ, и предназначенные для служебного пользования, отчего-то не изымались.

К 1986 г. интерес к изучению общественного мнения изменился, опять стало интересовать то, каким оно должно быть в соответствии с «гласностью и новым мышлением», а не каким оно есть в реальности и почему. Работать стало, как ни странно, не так интересно, как в начале создания «совета», хотя внешне свободы слова стало больше. Появился невидимый «фильтр», пропускавший «новое», а старое делавший «осадком». Он был даже не снаружи, а внутри нас, хотя теперь не могу сказать точно. Говорят, что такое же ощущение было в первую оттепель. Но я не уверен, что перестройку можно назвать второй оттепелью, как многие считают и сегодня, слишком глубокие структурные изменения намечались. Но главное — это усталость от идеологии, причем, любой. Глядя из 2014 г. на своих товарищей по работе в ГК в 1986-м, я вижу высокопрофессиональных топ-менеджеров штаб-квартиры огромной производственной корпорации, каким, по сути, был любой горком. Лояльные, исполнительные, организованные, компетентные в своем секторе, с ярко выраженными лидерскими качествами...

Но когда в 1986 г. меня пригласил А. Н. Гаврилов из ИСЭП АПК АН СССР принять участие в конкурсе (он у нас собирал данные, так познакомились. Человек по-своему уникальный, разносторонностью напоминал гениев Возрождения. Обладал острым практическим и парадоксальным умом, неутомимой энергией исследователя и предпринимателя в любых областях знания. Учился в ЛГУ на философа,

кажется, там и защитил степень кандидата, был блестяще подготовлен технически, разбирался в любом «железе») на должность младшего научного сотрудника. Я без колебаний согласился, хотя терял многие социальные блага.

Отпустили меня в «науку» неожиданно легко, я бы сказал с пониманием. Какое-то странное ощущение было, будто уходишь из крепости, которую кто-то остается защищать, потому что «надо», а зачем, уже боишься думать. Почти каждый, при прощании, что-то дарил на память или давал совет, просил не забывать, но никто не намекал на возможность вернуться. Вероятно, благодаря их рекомендациям и предыдущим проверкам моей персоны, пятый пункт не стал препятствием для прохождения конкурса на этот раз.

Так в октябре 1986 г. я попал в АН СССР. 20 лет трудовая книжка лежала в этом заведении. В 2006 г. под благовидным предлогом поступления в докторантуру я ее оттуда забрал, хотя идея остаться на полставки была, но начальство не пошло навстречу, и я их глубоко понимаю, т. к. знакомство с Теодором Шаниным в 1989 г. и работа с ним в экспедициях, сделала меня «несовместимым элементом», к сожалению. Институт и своих коллег искренне уважаю и люблю, поддерживаю и сегодня с ними добрые отношения.

Здесь два вопроса или один, но «двойной», очевидны... что Вы делали в ИСЭП АПК АН СССР (позже — РАН) два десятилетия? По какой теме Вы писали кандидатскую диссертацию и когда ее защитили?

С 1990 г. я был «откомандирован» в «сельский проект Теодора Шанина и большую часть времени проводил «в полях», появляясь в Институте событийно. Поскольку в этот период академическая наука переживала не лучшее времена, полевые исследования практически не финансировались, плотное участие сотрудника Института в международных исследовательских проектах и полевых исследованиях в целом приветствовалось. К тому же, полагаю, количества и качества публикаций, активного участия в конференциях в России и за рубежом было достаточно, чтобы мой внеинституциональный статус не вызывал вопросов у администрации. Часть «полей» шанинских проектов проводилась в Саратовской области, мне удалось включить в сельские экспедиции трех сотрудников Института, что тоже было важно для повышения квалификации научных работников, да и результаты исследований по договору с Интерцентром считались плодом их сотрудничества и научной кооперации.

Кандидатскую диссертацию защитил в 1992 г. по теме «Социально-психологические механизмы формирования и функционирования общественного мнения села».

Очень интересно, никогда не встречал человека, который бы специально, направленно изучал особенности формирования и функционирования общественного мнения сельского населения в России. Пожалуйста, расскажите подробнее о самих опросах и о результатах...

Выбор темы, как мне тогда казалось, полностью соответствовал моим компетенциям: психологическое образование, специфический опыт работы по исследованию общественного мнения в партийных структурах. Я наивно полагал, что в этой теме «съел не одну собаку». Прозрение наступило после повторного прочтения знаменитой работы Б. Грушина «Мир мнений и мнения о мире». Когда накопился

первичный материал, требующий объяснения и переосмысления того, что я увидел и услышал на 1-й Всесоюзной конференции по изучению общественного мнения (Тбилиси, 1986 г.).

Я понял, что столкнулся с социальным феноменом общественного сознания, который выходит за рамки «оценочных устойчивых суждений большинства населения по актуальным для них вопросам». Этому пониманию способствовало несколько обстоятельств: 1) локализация предмета исследования как относительно замкнутого коммуникативного пространства, одной из характеристик которого, являлась «публичность личной жизни»; 2) уникальный для того времени метод исследования — междисциплинарный подход в условиях «полноформатной этнографической» научной экспедиции (8 месяцев проживания в каждом селе с 1990 по 1994 гг.) и возможность сравнить с «штатными» массовыми анкетными опросами нашего Института; 3) Знакомство с английской исследовательской культурой, которую демонстрировал нам Теодор Шанин; 4) Возможность общения и консультирования «друзьями шанинского проекта» Т. И. Заславской, Ю. А. Левадой, В. П. Даниловым и др. Их вопросы ко мне и комментарии моих выводов заставили меня стать на порядок «скромнее» и поставить более конкретные и реалистические задачи.

Не думаю, что это диссертационное исследование заслуживает особого внимания, но оно существенно дисциплинировало меня, дало возможность посмотреть на общественное мнение из разных перспектив. Помогло увидеть функционирование архаичных структур крестьянской общины, познакомиться многослойностью и парадоксальностью формирования механизмов возникновения «оценочных суждений», их влияния на поведение жителей села.

Я увидел «мнение для своих» и «для чужих», которые могли быть прямо противоположны, выявил факторы устойчивости одних «суждений» и «изменчивости» других. Удалось зафиксировать разнообразные роли, которые выполняло «общественное мнение села», когда уже начинаешь сомневаться, является ли это социальное явление «мнением» или это «мнение» — просто симптом какого-то непонятного состояния общественного сознания сельского сообщества в данный момент времени, которое руководствуется непонятными нормами и стереотипами сознания и поведения данного сообщества.

Приведу пример влияния «исторического фактора» на формирование общественного мнения трудового коллектива колхоза «Путь Ленина» на решение о выборе формы хозяйствования. Суть вопроса — оставить колхоз или преобразоваться в акционерное общество или товарищество. Дебаты длились долго, причем «лидеры общественного мнения» села в лице председателя, директора школы и «ветерана всего чего можно» сильно агитировали за колхоз и давили чувством страха перед капитализмом и ответственностью перед родителями, завещавшими беречь общественную собственность.

Я вел наблюдение, фиксировал тех, кто был за «социализм» и за «капитализм». А зная большинство присутствующих и их происхождение, после обработки данных с удивлением обнаружил, что потомки «бедноты» голосовали за колхоз, а потомки «середняков» и «зажиточных» (потомков раскулаченных осталось единицы) за ОАО. Это вроде бы логично, но при сборе «голосов крестьян» (тема — «белые пятна истории села») воспоминания о хозяйстве дедов и прадедов были у этих респондентов

очень расплывчатыми и носили в основном нейтральный эмоциональный фон (кроме раскулаченных, конечно). Общим рефреном шло суждение, что «советская власть дала все» (подняла из нищеты, дала образование, работу, защитила мир и прочее). Я тогда испытал «полевой шок» от того, как нам рассказывали старики о своем прошлом. Даже записал в полевом дневнике: «Они отвечают на наши вопросы так, словно ждали нас 50 лет. Потому что 20 лет боялись говорить, а 30 лет их никто не слушал». Так я впервые столкнулся с феноменом устойчивости общественного мнения вне зависимости от влияния его «лидеров».

Илья, недавно Вы написали мне, что по контрактам и договорам, преподаете в Шанинке, РАНХиГС, ведете школу-студию и прочее. Когда Вы начали свою деятельность в Москве? Что преподаете? Что такое школа-студия?

Деятельность в Москве началась в 1990 г. и была связана с проектами Теодора Шанина и Интерцентром. Полевые исследования в сельских проектах шли без перерыва до 1996 г. Потом была учеба в Шанинке и другие проекты. В Шанинке преподаю с 2006 г. курс «Качественные методы» (Практикум полевого исследования методом «длинного стола»), примерно такой же курс ежегодно веду в ЦСПО при ИС РАН («кухтеринские курсы»). Эти занятия содержат основные элементы ремесла полевого исследователя, который применяет качественный подход в решении своих задач. Обучение проходит в процессе производства конкретного исследования, что, собственно, составляет первоначальную суть понятия «студия» как формата профессиональной подготовки.

Можно сказать, что «Школа-студия полевого исследователя-качественника» представляет собой систему производства исследователя в процессе производства самого исследования. «Студия» родилась из моих попыток научить ремеслу полевого исследователя по нашей с Е. Ковалевым монографии «Качественные методы в полевых социологических исследованиях», которая стала популярной в научном сообществе.

По счастью, сохранились записи «длинных столов», проводившихся Теодором Шаниным в первом четырехлетнем проекте. Я их изучил и обнаружил, что практически 2/3 этих рабочих совещаний в первый год проекта представляли собой школу полевого исследователя, где шла передача традиций британской исследовательской культуры, освоение основ крестьяноведения и междисциплинарного подхода, отрабатывались специфические и не специфические навыки и умения работы в формате экспедиции. Это было вызвано необходимостью подготовки группы исследователей в условиях, когда исследование уже стартовало, а представления британского социолога о том, что должен знать и уметь полевой исследователь, расходилось с нашими компетенциями.

Все обучающие занятия являются демонстрацией метода «длинного стола» (ДС), дополненного технологиями мозгового штурма и тренинга по развитию основных неспецифических и специфических навыков и умений, необходимых для проведение качественного исследования. Это включает в себя основные алгоритмы обучающих заданий и упражнений, мини-семинаров, разбор типичных полевых ситуаций в ходе исследования, в т. ч. на кейсах самих участников «школы». В центре методического подхода стоит активизация личного исследовательского опыта слушателя, что предполагает методическую и аналитическую триангуляцию оценок,

суждений, предложений и т. п. участников «длинного стола» в режиме «оффлайн» и «онлайн». Итог работы — содержательный отчет по исследованию и презентация его результатов.

Эффективность этой системы связана не только с авторскими технологиями обучения, но и с синхронизацией трех основных этапов подготовки и проведения полевого исследования (до поля, в поле и после поля) с фазами цикла «производства» исследователя от замысла исследования, через «полевой шок» и «кризис» к выводам и новому замыслу.

Вы отметили, что в Энгельсе Вы создали организацию «Социум» и работаете как практический психолог. Не могли бы Вы пояснить, что такое «практический психолог»? Чем занимаетесь?

Некоммерческая организация «Социум» возникла по моей инициативе в 1998 г. на базе Центра практической психологии как профессиональное объединение психологов, социологов, медиков, педагогов. Целью стала реализация мечты профессионала — делать то, что считаешь нужным, так, как считаешь нужным, имея необходимые для этого ресурсы и за вознаграждение, которое устраивает. Сфера деятельности включала, как проведение социологических исследований по широкому спектру социальных проблем, так и практическую деятельность по профилактике наркомании, ВИЧ-инфекции, медико-психологической и социальной помощи социально уязвимым группам населения, включая беженцев, участников локальных войн, осужденных, «работниц коммерческого секса» и пр.

Причина моей активности — желание непосредственно видеть результаты профессиональных усилий, как компенсацию односторонности представления о социологии как демоскопии («социологи подсчитали») и тем состоянием души, которое довольно точно выражено в одной бардовской песне — «лучше быть нужным, чем свободным».

К концу 1990-х у меня возникло ощущение, что я — член отряда космонавтов, которых готовили к высадке на Луну, но которые так и не полетели. Этому способствовала череда крушений «большого сельского проекта» на старте. По замыслу Теодора Шанина группа исследователей первого проекта должна была составить кадровый костяк коллектива исследователей нового «Аграрного Института им. Чайнова», кажется на базе ВАСХНИЛ и его аналогичного подразделения. Цель проекта — возродить славные традиции отечественной школы ученых-аграрников, которая считалась самой продвинутой в мире до сталинских репрессий. Была договоренность с последним президентом ВАСХНИЛ А. А. Никоновым об организации такого подразделения, но его загадочная трагическая гибель в 1995 г. привела к закрытию проекта.

Вторая попытка «взлететь» была связана с именем Е. С. Строева, он с начала 1996 г. до конца 2001 г. был председателем Совета Федерации Федерального собрания РФ. Строева впечатлила личность Шанина и его идея всероссийского мониторинга аграрных реформ в духе традиций земской статистики, изучению которой мы посветили много времени и сил. Даже использовали в своих экспедициях некоторые методические приемы ее представителей. Но Строев был смещен со своего поста, попал в опалу и был отправлен рулить Орловской губернией. Мы опять не «полетели».

Но главное для меня — это то, что наш продукт (реальное знание экономической и социальной жизни крестьянской России) на тот момент оказался обществу не просто не нужным (к этому не привыкать, можно работать и на будущее), а как бы даже вредным для текущей политики «разрешено все, что не запрещено», а ведь в мозгах еще жили «перестроечные» надежды и вера, что «пришло наше время». Передел собственности и полукриминальная приватизация земли, активы колхозов и совхозов, беспредельная коррупция, колонизаторское отношение «новых аграриев» к селу и его жителям и проч., делали наши усилия занятием, лишенным смысла во всех отношениях, кроме чистой науки, причем, на деньги иностранцев, которые тоже, похоже, уже удовлетворили свое любопытство. Можно было и дальше вполне себе существовать на их мелкие грантики и мелкие темы «из жизни крестьян», писать отчеты и рекомендации по ходу аграрных реформ «асфальтного социолога», но я уже был отравлен масштабными экспедициями Интерцентра с перспективой «дальнего полета в аграрные миры».

Вот эта, впитанная с детства советская установка на то, что наука должна иметь «народнохозяйственное значение», плюс «разница потенциалов» между масштабом планов Теодора и тоской аномии в постперестроечной Академии, заставили меня искать нишу, где я мог не ощущать себя жертвой обстоятельств и делать то, что считал правильным и полезным. Выбор уже был не между выгодно и невыгодно, тяжело и просто, можно-нельзя, а между скучно и страшно. Скучно было «отбивать номер», слушать сетование коллег на судьбу, власть, страшно — выходить их привычной колеи, теряя пусть малое, но надежное. Но уже было так скучно, что стало не так страшно.

Такой нишей оказались НКО, практическая психология и, как ни странно выглядит, первая Чеченская компания. В конце 1997 г. я прошел краткосрочные курсы подготовки «фронтовых психологов, психотерапевтов и психиатров» по боевому ПТСР для работы в «горячих точках». Курсы вели специалисты Центра психосоциальной травмы Миссурийского университета, имеющие почти полувековой опыт работы с «поствьетнамским синдромом». Сразу после окончания я начал практику в «Реабилитационном центре для воинов, пострадавших в вооруженных конфликтах и локальных войнах». Это была тяжелая, но конкретная работа по психотерапевтической помощи комбатантам — участникам боевых действий в Чечне. Довелось работать в лагерях беженцев из Грозного. Через год и два месяца я обнаружил у себя все симптомы профессионального выгорания и решил заниматься этим в свободном режиме, совмещая с научной работой, которую, впрочем, не прекращал, будучи сотрудником ИАП РАН.

И тут подвернулся случай. Фонд «Евразия» объявил конкурс грантов для НКО по разработке программы профилактики наркомании для школ. Под этот грант мы вместе с школьными психологами Центра практической психологии г. Энгельса создали НКО «Социум». Наша заявка была одобрена, программу разработали и внедрили в школы области и даже заняли с ней 2-е место на «Всероссийском конкурсе им. Памяти матери Терезы». Так всё и началось. Потом наладилось сотрудничество с организацией «Врачи без границ» по профилактике ВИЧ/СПИДа среди инъекционных потребителей наркотиков, чем организация занимается и по сей день. Практически с 2000 г. «Социум» выполнил более 30 различных

проектов социальной направленности и примерно половина из них включала исследовательский блок, так что я мог реализовать все свои профессиональные навыки и видеть практические результаты.

Моя вторая профессиональная ипостась — консультирование по посттравмам и химическим зависимостям, работе с персоналом, проведение тренингов и организация социальной работы в сфере общественного здоровья. Я рад, что имею возможность, как говорят хирурги, сохранять чувство в пальцах.

Вы уже много лет — в аналитическом и консалтинговом бизнесе. Как, по Вашему мнению, в этой бизнес-нише в последние годы ситуация улучшилась или ухудшилась?

Лично для меня улучшилась, т.к. заказчик стал грамотнее и опытнее в постановке задач и ожидании конечного результата. Требования к профессиональной компетенции возросли, работать стало сложнее и интереснее. Хотя это может быть связано с моей специализацией на задачах, не решаемых стандартными и проверенными способами, накатанными технологиями. Нужно тратить много времени и сил, чтобы разобраться в специфике и разработать под нестандартную задачу инструмент, много думать и рисковать. А в штатных ситуациях я нашим бизнес-консультантам не конкурент, они свое дело знают лучше. Моя «ниша» довольно узка по двум причинам: 1) заработать на таких проектах особо не получается из-за избыточных временных затрат и рисков, сходными с рисками стартапов; 2) дефицит компетентных специалистов, которых могли бы заинтересовать подобные задачи.

Но сами задачи и заказчики бывают настолько интересны в профессиональном плане, что высокие издержки и возможные неудачи не останавливают. Ну, как отказаться, если ставится задача понять, как возможно возрождение традиции регулярных пожертвований (десятины) в религиозной общине, если эта традиция не поддерживалась в трех поколениях; как провести трансформацию сохранившихся ценностей, норм, ритуалов социалистического производственного коллектива финансового учреждения для работы на современном рынке финансовых услуг. Здесь целью становится понимание. Иногда кажется, что наш консалтинг пытается приблизиться к культуре стартапов, где возможно «праздновать хороший проигрыш», где к решению задач привлекают «странных маргиналов» со «странными идеями и подходами», чтобы сделать решительный прорыв. Но пока устойчивого тренда не наблюдается. Пока.